

Николай АРТАМОНОВ,
писатель, литературный критик
(г. Харьков)

«И ОТЧИЗНЫ СЛАДКИЙ ДЫМ...»

За сборник стихотворений «Листы пятикнижья» харьковского поэту Сергею Шелковому была присуждена муниципальная литературная премия имени Бориса Слуцкого, а следующая его книга стихов «Вечеря» удостоилась одной из самых престижных творческих наград Союза Писателей Украины — премии имени Николая Ушакова. В эти дни, накануне 55-летнего юбилея поэта, вышел в свет его новый сборник стихотворений «Воздушные коридоры» (издательство «Майдан», Харьков, 2002 г.).

«Воздушные коридоры», эта, уже девятая, книга Сергея Шелкового — продолжение диалога поэта со своей неоднозначной эпохой. Мы находим на её страницах произведения глубоко личностные и искренние. В то же время даже интимная лирика имеет здесь философский контекст, исторические пассажи довершает изысканная культурология. Многие произведения сборника С. Шелкового отличает мощная экспрессия, яркий накал чувств и мыслей — верный признак подлинного и живого искусства.

Нередко автор возвращается к подзабытому языку вечных символов, что даёт ему дополнительную возможность проникать в скрытую сущность явлений и в совершенно, казалось бы, несходном выявлять изначальную общность. В стихотворении «Видна ль Тебе моя борьба?...» автор описывает свои земные заботы по уходу за цветником с той мудрой простотой и личностной зрелостью, которые можно встретить, к примеру, в произведениях Роберта Фроста. И эта, в поте лица совершаемая, работа представляется здесь убедительным символом служения Высшему началу, служением Творцу всего живого и прекрасного в природе. Совершенно естественно завершается стихотворение своеобразной интерпретацией вечной евангельской истины:

*Так дай размять мне чернозём
Без мысли приторной о том,*

*Что я — светлей, он — чуть темней,
Но мы уже — одних кровей...*

Не сомневаюсь, что название этой книги неминуемо отошлёт знатоков поэзии к образам и темам Бориса Пастернака, затронутым когда-то в начале 20-х годов прошлого века. В самом духе и настрое «Воздушных коридоров» Сергея Шелкового угадывается мучительная страсть и ярость творческой личности, устремившейся в своём движении «поверх барьеров». И в этом параллелизме звучит некое, так и не сумевшее затихнуть, культурологическое эхо, свидетельство глубинного сходства переломных эпох, их насыщенности человеческой болью и борением.

В новой своей книге Сергей Шелковый видит главное воочию и воистину от первого лица трактует мир как роковое игрище непримиримых сил: добра и зла. Во многих его произведениях они сталкиваются в различных ипостасях, создавая немислимо плотную конденсацию жизненных ситуаций и явлений, заставляя звучать в нашем сердце струну, которая была лишь натянута, но нема и беззвучна:

*Я лечу — почти неслышим
клёкот горла моего,
да и я — полвека с лишним
сам не чую никого,
кроме Пушкина с Дантесом,
Мандельштама с Усачом,
да народа, с мелким бесом
спорящего — что по чём...*

Но показательно, что, если в начальной строфе процитированного стихотворения «Воздушные коридоры», давшего название всей книге, символообразующий троп «дыма Отечества» окаймлён двумя строками с отнюдь не «сладкими» определениями:

*Во все дырь, во все щели
лезет холод, а за ним —
пустота от Торричелли
и Отчизны сладкий дым —
с горьким привкусом, вестимо,
и с налогом на восход
дня,*

то в финале произведения, в завершающей строке возникает, тем не менее, «бледная весна», веет почти невесомая, но всё же итожащая нелёгкие размышления, надежда:

*Тянет стынью. В те же щели
лезут те же времена.
Печь дрожит, храпит Емеля,
а с открытки Боттичелли
лак-фиолем, еле-еле,
веет бледная весна...*

Дорогого стоит это, видимо, врождённое по всем ощущениям, качество человека и поэта — жизнелюбие и жизнестойкость, бытие личности — вопреки гнеущему напору «всё тех же времён», проникающему сквозь множество «всё тех же щелей» неприветливого нынешнего социума.

Но так же очень дорого для нас сегодня и умение поэта вживлять свои стихи в широкий контекст мировой классической литературы («Там, где Камюэнс одноглазый...», «Сочельник», «Горячий кофе с жирной пенкой...»). Ибо именно этим проверяются произведения на художественную зрелость, выверенность каждой мысли. Широта культурного окоёма без труда взламывает препоны провинциальных комплексов, которые упорно навязываются нам известными обстоятельствами места и времени:

*Гораций, братец! В этой части света
нет под луной надёжного предмета...*

В примечательном стихотворении «Зажигание света» поэт смело применяет высокий, торжественный стиль, свойственный эпохе европейского классицизма, для описания самого что ни есть бытового процесса замены перегоревшей лампочки. Чего стоят эти почти братские обращения к древнеримскому поэту Горацию и полные самоиронии сетования классику и коллеге на житьё-бытьё сегодняшнего поэта, задёрганного безвременьем! Узнаваемость согретой тёплым юмором ситуации такова, что хочется вместе с автором, пусть даже и сквозь слёзы, посмеяться над множеством наших бед и треволений.

Поэзия Сергея Шелкового многолика и многозвучна и для читательского слуха часто неожиданна. В его устах слово избавляется от своей затёртости в обыденном употреблении, всё больше

приближаясь к корневым и фольклорным формам. В каждом его стихотворении — отвага художественного поиска. Каждая его новая книга — результат нравственных и духовных исканий, разрешённых в яростном противостоянии добра и зла, в нелёгком синтезе сомнений и веры. Его искусство никогда не довольствуется уже названным, а движимо отчаянным порывом слова и духа в будущее, к тем невысказанно трудно достижимым «Воздушным коридорам», с высоты которых ему всё многомернее и объёмнее открываются целые миры живых человеческих чувств и мыслей.

2002 г.